

НАЦИИ И ЭТНИЧНОСТЬ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ЭТНИЧЕСКИЕ, ПРОТОНАЦИОНАЛЬНЫЕ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ:
формирование
и репрезентация

Сборник статей

**Нации и этничность в
гуманитарных науках.**

**Этнические, протонациональные
и национальные нарративы.**

Формирование и репрезентация

«Алетейя»

2017

УДК 39
ББК 63.5

Сборник статей

Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы. Формирование и репрезентация / Сборник статей — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-98-9

Издание включает в себя материалы второй международной конференции «Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация» (Санкт-Петербургский государственный университет, 24–26 февраля 2015 г.). Сборник посвящен многообразию нарративов и их инструментальным возможностям в различные периоды от Средних веков до Новейшего времени. Подобный широкий хронологический и географический охват обуславливается перспективой выявления универсальных сценариев конструирования и репрезентации нарративов. Для историков, политологов, социологов, филологов и культурологов, а также интересующихся проблемами этничности и национализма. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-906860-98-9

© Сборник статей, 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
I. Этнические нарративы в Средние века и раннее Новое время	12
Гэлы шотландской Дал Риаты: метаморфозы этнического сценария	12
Сакрализация терминологии власти у тюрков раннего Средневековья в Центральной Азии	21
German, Roman and Frankish: the national narratives of the early Hohenstaufen era (1138–1190) and their Influence on high Politics	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация

Nations and ethnicity in humanities and social sciences. Ethnic, protonational and national narratives: formation and representation / ed. by A. Ch. Daudov & S. E. Fyodorov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2017. – 398 p.

The symposium comprises the collection of the materials of the second international conference “Ethnic, protonational and national narratives: formation and representation” (Saint Petersburg State University, February, 24–26, 2015). The symposium is dedicated to a variety of narratives and their instrumental capacities in different periods, from the Middle Ages to Contemporary history. Such chronological and geographical scope is due to the possibility of identifying of the universal scenarios of constructing and representing narratives.

The materials of the conference will be of interest to historians, political or social scientists, philologists and scholars of the cultural studies as well as those who are concerned with the issues of ethnicity and nationalism.

© Коллектив авторов, 2017

© Ф. Е. Левин, С. Е. Федоров, составление, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

Введение

Второй сборник “Нации и этничность в гуманитарных науках” включает в себя материалы конференции “Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация”, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 24–26 февраля 2015 г. Конференция была посвящена многообразию нарративов и их инструментальным возможностям в различные периоды.

Необходимость изучения этнических, протонациональных и национальных нарративов объясняется тем, что они дают уникальный срез имплицитно существующей или же существовавшей реальности, открытой для историко-культурного, социального и политического анализа. В первую очередь представленные материалы отражают уровень современной интерпретации европейского материала, однако открывающаяся таким образом перспектива интеграции теоретических и практических наработок европейских исследований в более широкий контекст с использованием их в качестве матриц для изучения явлений в других регионах видится вполне реальной. Не менее очевидной представляется также возможность выявления универсальных сценариев конструирования и репрезентации нарративов, что доказала проведенная конференция.

Известно, что в Европе наиболее ранние варианты подобной реальности во многом определяются образующими ее первичную структуру мифологемами, функции которых связаны с задачами легитимации соперничающих или же претендующих на господство династий. Такие мифологемы скрепляют в единое целое ориентированное на вполне конкретные формы начала этнокультурного, а затем этнополитического единства повествование о происхождении народов, их военных лидеров, а также исконно или же позднее принадлежавших им территориях. При этом локальная фрагментация таких нарративов выступает в качестве обязательного и неотъемлемого условия. Позднее под влиянием распространяющегося христианства, но все еще в пределах традиционалистски организованных сообществ, в стратегиях репрезентации исторического прошлого этнических групп усиливаются универсализирующие тенденции, а схема позиционирования отдельных этносов усиливается благодаря воздействию библейского субстрата.

В эпоху раннего Нового времени инструментальная база такого рода нарративов критически переосмысливается. Процесс начальной профессионализации исторического знания (антикварно-эрудит-ский дискурс) дезавуирует значительную часть мифологического прошлого народов, заметно рационализирует и упорядочивает его культурные доминанты. При этом коренным образом видоизменяется собственно потестарный сюжет повествования, акцентируется не столько его протодинастический, сколько территориально ориентированный характер: монархия определяется лишь как одно из средств, обеспечивающих определенный тип этнополитического единства, но не как его наиболее оптимальная форма.

Процесс деперсонализации верховной власти, начавшийся в раннее Новое время, во многом провоцирует последующие изменения в этнически ориентированных нарративах, обеспечивая тем самым постепенный переход к национальному историописанию. Превращаясь из патримониального владения в институт, монархия становится предвестником и на тот момент наиболее ранней формой нового государства.

Этносам, буквально «заточенным» под интересы подобного государства, историописание стремится придать особенный структурообразующий характер. При этом важным остается то, что выстраиваемый таким образом эпохалистский дискурс не только допускает, но и в известной степени предполагает этнокультурный плюрализм. Политическая (государственная) лояльность раннего Нового времени не исключает характерного для Средневековья языкового и иного рода культурного многообразия. Собственно формируемая при этом «политическая

нация» не означает, что границы между отдельными этносами насильственно стираются. Эпохалистски ориентированный нарратив сосуществует с эссенциалистски сконструированными нарративами; при этом инструментальная база и часть ресурсов каждого из дискурсов остаются достаточно близкими.

Вплоть до эпохи романтизма среди эпохалистски ориентированных дискурсов исторические нарративы, направленные на обоснование политического единства проживавших на обособленной территории этносов¹ сохраняли монопольное положение. Понятие «политическая нация» оставалось одной из наиболее устойчивых идеологем нового государства.

Ситуация начинает кардинальным образом меняться, когда романтики предпринимают масштабный проект, известный как повторная аккультурация. Акцент на неоспоримом культурном единстве входящих в состав «политической нации» этносов существенно видоизменил характер перестраивающихся эпохалистских нарративов. Характерное для этой эпохи представление о так называемой «культурной нации» способствовало не только постепенному стиранию традиционных границ между этносами, но и потере интереса самого государства к эссенциалистски ориентированным практикам. Рождающееся таким образом представление о «новой» нации предполагало как ее политическое, так и культурное единство.

Превращение концепта «культурная нация» в одну из двух важнейших идеологем перестраивавшегося подобным образом государства во многом завершал процесс интеллектуального переосмысления природы традиционных этносов, нацеливая собственно эпохалистский дискурс на идею национального единства. Исторический нарратив, традиционно разводивший, но, как известно, не противопоставлявший этнополитические и этнокультурные процессы, терял свое инструментальное преимущество, не переставая быть одним из наиболее востребованных ресурсов.

Национальное, осмысленное как политическое и культурное единство, почти неизбежно расширяло инструментальные возможности ориентированного на интересы государства дискурса и в этом смысле обуславливало необходимость создания новых форм национально ориентированных нарративов.

Материалы конференции разделены в сборнике на шесть тематических разделов, связанных с различными проблемами изучения нарративов: «Этнические и протонациональные нарративы в Средние века и раннее Новое время», «Вариации национализма: политические и профессиональные координаты», «Способы восприятия. Нарративные стратегии: художественная литература, искусство», «Проблемы протонационального и национального историописания», «Проблемы коммеморации», «Образ врага и образ другого».

Необходимо отметить, что сборник лишен понятийного ригоризма, присущего изучению таких феноменов как нация, этничность и национализм, и имеет скорее эмпирический характер. Именно региональное разнообразие материалов конференции позволяет осознать, какими близкими могут быть проблемы исследований, отдаленных во времени и пространстве.

К единственному разделу с нарочито хронологической составляющей относятся «Этнические и протонациональные нарративы в средние века», что и неудивительно в связи с тем, что ядро исследовательского проекта «Historia Nationem Gignit» все же составляют средневекисты. Собранные материалы посвящены не только отдельным сюжетам из средневековой европейской истории, но и азиатской тематике. Корни, по крайней мере, европейского нациогенеза эпохи Модерна следует искать именно в средних веках, когда зарождались мифологемы будущих национализмов.

Содержащиеся здесь материалы раскрывают по разному роль нарративов в средние века: дискурс власти (Федоров, Суловски, Фукалов, Паламарчук), повествование о прошлом (Наумов), управление сообществами как организованное высказывание (Пен). Статьи И. Фукалова, В. Суловски и Л. Пен показывают, что этническое еще в средние века в различных регионах могло быть инструментализировано с целью формирования дискурса власти. Суловски и Пен

показывают, каким образом власть через интеллектуальные элиты может использовать консенсуальный дискурс в целях управления полиэтничными образованиями.

Легитимация династии Штауфенов, о которых пишет В. Суловски, проходила через линии римской, франкской и германской идентичности. Обращение к тому или иному элементу обуславливалось конкретной ситуацией, поскольку консенсуальность предполагает возможность переключения. В статье Л. Пен рассказывается о том, как императорские элиты пытались включить южные районы Китая в свою орбиту влияния. Интегрируя местные сообщества в гражданское управление, китайским правителям удавалось сохранять их под контролем, при этом не нивелируя локальные различия. Путем такого имперского строения формировалась идентичность тех, кто противостоял центральному правительству и тем самым воспринимался не как часть сообщества, а как пограничная общность. Таким образом, категоризирующий дискурс власти позволил создать новую общность, каковым и стал хмонг в процессе их взаимодействия империей.

На примере разных периодов и регионов С. Федоров и А. Паламарчук анализируют композитарность Британского острова, которой на конференции был посвящен отдельный круглый стол. С. Федоров на основании изучения генетических легенд о Дал Риате приходит к выводу о возможном композитарном характере данного этнического образования. Помимо этого, автор статьи реконструирует, каким образом эволюционировала легенда о заселении Дал Риаты, изложенная в «Истории народа скоттов». В центре внимания А. Паламарчук – нарративы цивилистов в первой половине XVII в., в которых излагалась история английского права и доказывалась роль гражданского права как посредника в процессе интеграции композитов.

Н. Наумов и А. Овчинников рассматривают этноопределяющую роль религии в домодерных обществах и приходят к разным выводам. Н. Наумов полагает, что гуситский этноконфессионализм повлиял на протонациональные аспекты в «Книге императора Сигизмунда» Эберхарда Виндеке, в то время как А. Овчинников выражает скепсис по поводу того, что религия могла влиять на самосознание народов в средние века. Основываясь на изучении историографии этногенеза татар, автор предостерегает нас от навязывания прошлому логики модерна, коей является национализация религии. С его точки зрения, вопреки различным домыслам, мы не сможем найти унифицированную мусульманскую культуру у средневековых татар.

Во втором разделе «Вариации национализма» представлены исследования, в первую очередь, политических и конфессиональных координат данного явления. Если некоторые статьи связаны с отдельными текстами (М. Юсим, А. Даркина), то в остальных нарратив предстает как организованное высказывание, если речь идет о политических процессах. Как нельзя кстати, раздел начинается с работы М. Юсима об итальянском патриотизме в XVI–XVII вв. Он усматривает корни патриотизма в раннем Новом времени и считает, что республиканский оттенок итальянского патриотизма повлиял на риторику войны за Независимость США и Французской революции. Работа П. Осколкова посвящена истории фламандской национальной идеи и раскрывает роль языка как фактора формирования национальной идентичности.

К. Еременко пишет о достаточно уникальном кейсе Канады, когда констатация кризиса идентичности может приводить к ее реактуализации и обновлению. В статье А. Баранова речь идет о конфессии как факторе идентичности и о перспективе формирования единой мусульманской нации (уммы) по примеру Ирана. Таким образом, в отличие от секулярных процессов нациогенеза в Европе, в арабских странах эти процессы имеют религиозный характер.

Проблеме русского национализма на разных этапах его истории посвящены материалы А. Панченко, Н. Славнитского, А. Даркиной и Р. Бараш. Из статей первых трех авторов становится очевидно, что русский национализм не успел сложиться в период существования Российской Империи в связи с отсутствием консенсуса как среди управленческих, так и среди интеллектуальных элит, что, безусловно, повлияло и на неудачные попытки его реставрации в постсоветское время. А. Панченко на примере имперской этнографии показывает, каким образом

Российская империя пыталась репрезентировать свое этническое многообразие. Сосуществование двух парадигм – одной – основанной на русификации и лояльности населения, другой – на подчеркивании особенности подданных народов империи, было связано с тем, что государство само не могло решить, что оно собирается строить: империю или национальное государство. Н.Славнитский подчеркивает, что русский национализм был ограничен крупными городами и не нашел понимания среди масс, остававшихся православными.

Неопределенность русского национализма, как и понятие «русский» остается актуальным и по сей день, о чем идет речь в статье Р. Бараш, анализирующей дискурс о «русском вопросе» в современной российской действительности. Н. Славнитский пишет, что под «народом русским» во второй половине XIX в. понималась совокупность подданных империи. Языковые игры в «русское» не прекратились и поныне. Бараш считает «русскость» показательным примером «этничности без групп», понятия Роджерса Брубейкера. «Русскость» превратилась в эластичный термин, лишенный аналитического содержания, который используется в угоду той или иной политической конъюнктуры. Так же эластичны и маркеры принадлежности к русским: это либо язык, либо принадлежность к культурному пространству, либо кровное родство.

Третий раздел «Способы восприятия. Нарративные стратегии» состоит из разноплановых работ в области преимущественно истории литературы. Гендерная проблематика затрагивается Х. Бао и И. Буровой в их анализе средневековой английской литературы, функционировавшей в средневековом мужском мире. С. Башли исследует «миф прогресса» в зарождающейся турецкой национальной литературе и акцентирует внимание читателей на изменчивости в процессе формирования идентичности, когда противоречивые элементы с течением времени группируются по-разному по отношению друг к другу, тем самым претерпевая трансформации.

В статьях Е. Самушкиной, Т. Краюшкиной и Н. Трухан речь идет о фольклоре как выражении культуры этноса. Краюшкина и Трухан анализируют образ врага в русских народных сказках и сказках хантов и приходят к выводу, что их представления присущи языческому мировосприятию. Самушкина на примере истории Ойротской автономной области показывает, каким образом в советской национальной политике конструировалось этническое/национальное. Проблема конструирования образа национальных героев и его рецепции в различных нарративах рассматриваются И.Барининым (историософия), И.Джафарова (газеты) и Е.Болашенко (банкноты).

Последние два раздела так или иначе посвящены феномену коллективной памяти и его поддержанию при помощи нарративов. В разделе «Протонациональное и национальное историописание» анализируются динамика представлений о прошлом и дискурсивные стратегии его описания. Также оценивается влияние построений интеллектуальных элит на последующие процессы в Западной и Восточной Европе. Общий тезис, пронизывающий опубликованные материалы, заключается в том, что до-модерное историописание являлось формой сохранения памяти и средством легитимации настоящего путем прошлого, а нарратив как высказывание о прошлом являлся рычагом ее управления. Ф. Левин и Д. Алимов на примере периферий европейского пространства – Ирландии и Хорватии – показывают, каким образом уже господствовавшие образы прошлого систематизировались и ре-актуализировались интеллектуалами и приобретали новые значения и смыслы. Интеллектуалы по разные стороны континента стремились придать континуитет своей истории и создавали новые парадигмы – ирландскую парадигму Джоффри Китинга и хорватский готицизм. Оба явления вошли в символический капитал последующих национализмов XIX в.

Линейность истории обсуждается и в статьях Е. Калмыковой и Р. Бутучел. Калмыкова анализирует, каким образом различные историописцы присваивали британское прошлое с целью легитимации своей собственной идентичности, начиная от раннего средневековья и заканчивая английскими католиками XVI–XVII вв. Труды Трансильванской школы историко-

графии находятся в центре внимания Бутучел. Выработанная этой школой в XVIII в. концепция романской идентичности стала инструментом политической борьбы валашской элиты и позднее оказалась востребованной при формировании государства Румынии.

Помимо этого, интеллектуальные конструкты часто предшествуют складыванию общности как таковой. Это подтверждается в статье Ю. Ивонина, разбирающего дискуссии по поводу Священной Римской Империи и ее роли в появлении немецкого национального государства. Автор подчеркивает, что германский национализм – явление эпохи Модерна и никак не мог сложиться в период существования Империи, но его появление было генетически связано с интеллектуальной работой ранних периодов. Тем самым, путем миграции и рецепции идеи, в разное время артикулированные в исторических нарративах, оказывали непосредственное влияние на процессы, определившие облик современного европейского национального ландшафта.

В тесной связи с четвертым разделом находится и пятый раздел, посвященный проблемам коммеморативных практик. Здесь собраны статьи, так или иначе связанные с имперским опытом и осмыслением имперского наследия. В. Шарова размышляет о нарративе империи и рефлексии имперского опыта в странах Центральной Европы. Она подчеркивает, что если империя Габсбургов в современном понимании – это предвестник Евросоюза, то Россия – это одновременно и «образ опасности»/«образ другого» и «образ родства» в географическом и культурном плане.

Объектом анализа Е. Кумпан и А. Киридон выступает мемориальная политика и ее конструирование в современной Украине. Предметом исследования Е.Кумпан являются учебники по истории Украины, ангажированно определяющие видение узловых событий в истории страны. По ее мнению, в учебниках образ России приобретает негативные ценностные коннотации, и история Украины после 1654 г. рассматривается как история угнетения. А. Киридон, сопровождающая свою статью теоретическим экскурсом в теорию проблемы, пишет о мемориальной политике в Украине в целом и так же подчеркивает, что ее доминанты базируются в плоскости «травма-триумф». Таким образом, имперский опыт в украинских нарративах воспринимается негативно. Данные исследования подчеркивают как избирательность коллективной памяти, так и то, что формирование нации начинается со школьной скамьи, поэтому политика памяти находится в сфере интересов модерных государств, воспитывающих лояльных граждан.

Статья Е. Саволайнен сконцентрирована не на феномене «коллективной», навязанной памяти, а на индивидуальной. Автор анализирует мемуары ингерманландских финнов, в которых речь идет о пережитом травматическом опыте – блокаде и репрессиях, и противопоставляет свидетельский опыт официальной, ангажированной истории.

«Образ врага и образ другого» – один из присущих элементов представлений сообществ о самих себе. Подобные дискурсивные практики, в которых люди категоризируют себя и других относительно группы, способствуют распознаванию или созданию границ между ними. Материалы этого раздела сосредоточены не только на конструировании этнических/национальных границ, но и политических (К.Станков).

Актуализация культурных границ и использование культуры как дискурсивной конструкции оказывается одной из самых успешных стратегий, используемых в различные периоды истории. М. Кузьмина пишет о том, что разделение между французами и англичанами в эпоху Столетней войны проходило на уровне языка. Однако пока этнокультурное не сливается с этнополитическим, подобные разграничения могут отходить на второй план по сравнению с традиционными лояльностями, что и было в XIV–XV вв. Статьи Т.Лабутиной и Е.Калининой связаны с бинарными оппозициями «цивилизованность» – «варварство»/«отсталость». Необходимо отметить, что последними качествами наделяется периферийное пространство. Т. Лабутина констатирует, что ксенофобия в русском обществе была более естественна, явля-

ясь реакцией на засилье иноземцев и перемену порядков в то время, как антирусские настроения подогревались английскими элитами для формирования негативного образа экономического и политического конкурента. В статье Е. Калининой рассматривается феномен «черной легенды» как негативного образа Испании среди более цивилизованных европейских соседей. В контексте России следует обратить внимание на работу Н. Зотова, где говорится о том, что, как ни странно, в Германии образ революционной России воспринимался скорее положительно, чем отрицательно, в связи с некоторыми особенностями их исторического пути в первой половине XX в.

М. Григер и Е. Клименко описывают механизмы исключения и отчуждения из группы в XX–XXI вв., актуализированные по идеологическим соображениям. Для фашистской Италии, предмете исследования Григер, поводом для исключения евреев из итальянской нации стала отсутствие их принадлежности к христианскому миру, что говорило об их не-лояльности.

Е. Клименко на основании анализа публикаций в «Российской Газете» приходит к выводу, что проблемы, связанные с мигрантами, описываются в терминах культуры. Соответственно, неприязнь к мигрантам объясняется их не-принадлежностью к культурному пространству. Подобное использование культуры как дискурсивной конструкции довольно распространено в современном мире и имеет идеологический эффект.

Таким образом, материалы данной конференции вполне согласуются с уровнем развития современного гуманитарного знания по вышеуказанным проблемам, поэтому преобладание конструктивистского и инструменталистского подходов неудивительно. Сборник репрезентативен по своей сути, поскольку исследуемые явления удалось отразить в их динамике во временном и пространственном измерениях, от более простых к более сложным социальным организациям и роле нарративов в этом процессе. Материалы конференции еще раз подтверждают, что будущее (и настоящее тоже) не только за междисциплинарными, но и за транснациональными исследованиями, особенно в рамках подобной проблематики, где учет региональной специфики позволяет выйти на генерализирующий уровень и рассмотреть универсальность различных механизмов и сценариев.

С.Е. Федоров, Ф.Е. Левин

І. Этнические нарративы в Средние века и раннее Новое время

Гэлы шотландской Дал Риаты: метаморфозы этнического сценария

Федоров С. Е.

Согласно сообщению Гильды, северная Британия почти одновременно была заселена пиктскими и гэльскими пришельцами, расселившимися за пределами зоны романо-бриттского контроля. Примерно два столетия спустя Беда предложил отличную от Гильды версию, согласно которой первые ирландские поселенцы (скотты) пришли на землю, уже освоенную до этого бриттами и пиктами. Беда писал: «Так пикты появились в Британии и расселились в северных областях острова, поскольку юг занимали бритты... по прошествии времени в Британию вслед за бриттами и пиктами появился и третий народ – скотты, что пришли в область пиктов из Ибернии со своим вождем Ревдой и миром либо мечом приобрели земли, которыми владеют до сих пор. По имени их вождя они зовутся далревдинами (Dalreudini), ибо «дал» (daal) на их языке значит часть»¹ (Bede. Hist.I.L).

Подобно Гильде, Беда признает факт самой миграции, но при этом его версия переселенческой легенды обращает пиктов в наиболее ранних известных ему переселенцев в Северную Британию. Утверждение Беды о первенстве пиктов превращает территорию Аргайла в зону их изначального расселения. Содержащиеся в его тексте пояснения косвенно указывают на то, что пикты могли враждовать со скоттами (гэлами) и даже выступать против них, используя силу оружия² (Bede.Hist.LI). Специалисты, неоднократно комментировавшие это утверждение Беды, указывают на то, что содержащаяся в нем информация была, без сомнения, пиктского происхождения и что сами гэлы могли трактовать факт своего переселения в Британию иначе³.

Действительно, еще задолго до того, как Беда завершил свою историю, гэльские хронисты были знакомы с Ревдой. Как правило, они объединяли в единое целое род Габрана и Комгалла под одним названием Корку Рети, считая их потомками Домангарта Рети или в другой версии – Домангарта Кинтайрского⁴. Д. Фрэйзер считает, что именно эта версия родословной двух основных родов Дал Риаты легла в основу повествования Беды⁵.

Как известно, род Габрана относился к трем правящим в Дал Риате родам и сохранял свое территориальное господство в пределах южного Аргайла на протяжении всего периода существования шотландской Дал Риаты. При этом род Лоарна занимал его центральную часть, а род Энгаса довольствовался прилегающими островами. Роду Габрана, должно быть, принадлежала также часть земель в Антриме (северо-восточная Ирландия). Поскольку Беда был знаком с родословной этих двух родов, его описание мест расселения скоттов к северу от Клайда могло, хотя бы, косвенно, указывать на очертания полуострова Кинтайр, образующего основ-

¹ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frameset1.htm> (дата обращения: 01.06.2015); *Bedes Ecclesiastical History of the English People* / ed. by B. Colgrave & R. Mynors. Oxford, 1969.

² Там же; Ibid.

³ Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб., 2014.

⁴ *Annals of Innisfallen* / Ed. by S. Mac Airt. Dublin, 1977. 503.1.

⁵ *Fraser J. From Caledonia to Pictland. Scotland to 795*. Edinburgh, 2009. P. 145.

ную северную периферию залива («упомянутые скотты поселились к северу от этого и основали там свою родину») и составлявшего вместе с цитаделью Давентри родовые земли Габрана.

Легенда о королевстве Корку Рети или о королевстве Габрана была не единственной среди историй, содержащих свою версию заселения Дал Риаты. Речь идет, по меньшей мере, еще о двух вариантах полубоготворных рассказов о гэльской миграции в Шотландию. Наиболее поздней по времени окончательного оформления считается версия легенды, изложенная в знаменитой «Истории народа скоттов» (*Senchus Fer n-Alban*), а наиболее ранней является история, содержащаяся в трактате «Четыре основных рода Дал Риаты» (*Cetri príomhchénéla Dál Riata*). Этот трактат во многом известен тем, что в нем появляется четвертый род – род Эхдаха. Д. Дамвилл считает, что этот род являлся частью территориального союза, во главе которого стоял род Лоарна. Оба рода возводили свою родословную к Лоарну Великому, который назван в трактате дядей Домангарта Рети⁶.

Территориальная коалиция Лорна (род Лоарна и род Эхдаха), королевство Корку Рети (род Габрана и род Комгалла), а также род Энгаса, составляющий подобие федерации ближайших к Кинтайру островов, образовывали то, что обычно принято называть Дал Риатой⁷. При этом каждый из сегментов такого территориального союза позиционировался в трактате как равноправный⁸. Д. Дамвилл считает, что зафиксированная в трактате форма территориального единства гэлов Аргайла отражает широко бытующую в литературе того времени формулу «*scoti Brittanniae*», в частности неоднократно встречающуюся в «Жизнеописании Колумбы» Адомнана. Д. Фрейзер, уточняя семантический ряд возможных дополнений, добавляет сюда и понятие «*Dalreudini*» самого Беды⁹.

Наибольший интерес с точки зрения формирования генетического мифа гэлов Дал Риаты представляет версия легенды, содержащаяся в «Истории народа скоттов» (*Senchus Fer n-Alban*). Ее изначальный вариант восходит примерно к тому же самому времени, когда была закончена работа над трактатом о четырех основных родах Дал Риаты, но последовавшая за этим и растянувшаяся почти на два века работа редактора превращает этот памятник в уникальное свидетельство выстраивания политических притязаний далриатинских родов на властное господство в регионе.

Сопоставление различных списков (Н, В, L, McF)¹⁰ «Истории народа скоттов» позволяет усомниться в устойчивости схемы, определявшей растиражированный другими хрониками состав широко известной легенды о заселении гэлами западного побережья Шотландии. Речь идет не только об общепринятом, но тем не менее восходящем к тексту именно этой хроники представлению о том, что «переселение» гэлов в Шотландию было организовано тремя Эрками – братьями Фергусом, Лоарном и Энгасом, но и еще о двух важных сюжетах, определявших последующее конструирование и воспроизведение легенды. Важным с точки зрения последующей традиции остаются впервые увязанные между собой идеи, что именно Эрки, а не Корку Рети привели за собой в Аргайл ирландские кланы и что образованное ими террито-

⁶ Dumville D. *Cetri príomhchénéla Dál Riata* // *Scottish Gaelic Studies*. 2000. Vol. 20. P. 175–183.

⁷ Níeke M., Duncan H. *Dalriada: the Establishment and Maintenance of an Early Historic Kingdom in Northern Britain* // *Power and Politics in Early Medieval Britain and Ireland* / ed. by S. Driscoll & M. Níeke. Edinburgh, 1988. P. 6–21; Sharpe R. *The Thriving of Dalriada // Kings, Clerics and Chronicle in Scotland, 500-1297: Essays in Honour of Marjorie Ogilvie Anderson on Occasion of Her Ninetieth Birthday* / ed. by S. Taylor. Dublin P. 47–61; Dumville D. *Cethri Príomhchénéla Dál Riata* // *Scottish Gaelic Studies*. 2000. Vol. 20. P. 170–191; *Idem*. *Ireland and North Britain in the Earlier Middle Ages: Context for Miniugud Senchusa Fher nAlban* // *Rannasachadh na Gaidhlig 2000: Papers Read at the Conference Scottish Gaelic Studies 2000 Held at the University of Aberdeen 2–4 August 2000* / ed. by C. Ó Baoill & N. McGuire. Aberdeen, 2002. P. 185–212; *Idem*. *Political Organization of Dal Riata* // *Tome. Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards* / ed. by F. Edmonds & P. Russell. The Boydell Press, 2011. P. 41–52.

⁸ Dumville D. *Cetri príomhchénéla Dál...* P. 170–173.

⁹ Dumville D. *Cetri príomhchénéla Dál...* P. 172. Fraser J. *From Caledonia to Pictland...* P. 146.

¹⁰ Текст списка Н с учетом разночтений со списками В и L, а также редакция McF опубликованы: *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban* // *Celtica*. 1966. Vol. 7. P. 154–157, 157–159.

риальное объединение возникло изначально как часть этнически однородной (гэльской) конфедерации, подчинявшейся верховной власти ирландского короля из рода Корку Дуибне.

Д. Баннерман¹¹ датирует протограф «Истории» серединой VII в. и считает, что работа над окончательным вариантом рукописи была закончена не ранее середины X столетия¹², полагая тем самым, что даже в своем завершенном варианте хроника оставалась наиболее ранним из всех образующих так называемый «гэльский» цикл повествований о Дал Риате историческим свидетельством. Реконструируя начальный вариант рукописи, он определяет исходный текст протографа, видя в нем разновидность родовой генеалогии королевской династии Габрана, очевидно, законченной до вступления на престол Ферхара II (676–696), первого представителя рода Лоарна. Все последующие интерполяции были связаны, по его мнению, с изменяющейся конфигурацией правящих родов Дал Риаты, а последняя точка в работе над рукописью была, очевидно, поставлена в годы правления Алпина мак Эохайда (839–842) или же его сына Кеннета I (841–858)¹³.

Отмечая присущую тексту динамику, Д. Баннерман усматривает в ней результат поэтапной работы редактора или переписчика, который под влиянием изменяющихся условий вносил в начальный вариант рукописи изменения и тем самым трансформировал, должно быть, более общий по смыслу и нейтральный в отношении правящих в Дал Риате родов первоначальный вариант легенды, судя по всему, не исключавший сюжетную близость с более ранней историей исхода «сыновей Конайре». Под рукою редактора изначальная легенда, фиксировавшая характерный для ирландской раннесредневековой литературы сюжет исхода из отчего дома одного из потомков стареющего правителя не только содержательно трансформировалась, но и структурно видоизменялась. И хотя работа над рукописью «Истории» подчинялась определенной логике, старания редактора не всегда уравнивали или же сглаживали возникавшие в результате интерполяций противоречия, а сам текст сохранял следы таких сюжетных наслоений.

Первое, что впечатляет в опубликованных Д. Баннерманом текстах, так это нелепое нагромождение парных и схожих по написанию имен. Фигурирующие сначала в буквально развернутом для последующей визуализации списке двенадцати сыновей Эрка мак Эхдаха (Н), а затем (L и B) в почти его зеркальном распределении между отплывшими к британским берегам и оставшимися в Ирландии братьями, они отражают только понятную самому хронисту генеалогическую комбинацию¹⁴.

Тенденция к такого рода персонализации сохраняла, по меньшей мере, два не зависевших друг от друга уровня мотивации. С одной стороны, очевиден интерес редактора к оживлению скрывавшейся за цифрами 12 и 6 информации. Стремясь к буквальной персонализации, редактор был, судя по всему, ограничен репертуаром наиболее часто встречающихся имен в среде далриатинских гэлов и, как показывают присутствующие в перечислении комбинации с антропонимом Энгас, соседних пиктов. Таким обстоятельством можно объяснить наличие парных сочетаний имен в персоналиях ирландских и шотландских когорт сыновей Эрка, а также появление в списке B явно не распознанных редактором взаимозаменяемых имен Фергуса мак Эрка (Mac Nisse Mór и Fergus Mór). С другой стороны, речь может идти о попытках редактора дублировать в именах далриатинских гэлов известные ему ирландские антропонимы. Этим обстоятельством можно объяснить даже самую необычную с точки зрения

¹¹ *Bannerman I. Studies in the History of Dalriada. Edinburgh, 1974.*

¹² *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban... P. 152.*

¹³ Баннерман, в частности считает что выражение «gabsat Albain» (буквально «овладеть Альбой») не могло появиться ранее середины IX в., поскольку до этого времени Альба была синонимом Британии и только при первых Алпинидах приобрела более узкое значение, относящееся к владениям гэло-пиктской монархии Алпинидов. *Bannerman I. Studies in the... P. 118–119.*

¹⁴ Например, Loam Bec (Ирландия) и Loam Mór (Шотландия); Fergus Bec (Ирландия) и Fergus Mór (Шотландия) и ряд других комбинаций, в отличие от остальных неподдающихся идентификации, *Bannerman J. Senchus Fern-Alban... P. 154–157.*

использованных имен ситуацию с пиктским антропонимом Энгас, для которого уже современные исследователи подтвердили наличие ульстерского топонима *Telach Ceniuil Oengossa*¹⁵.

Персонализация списка, судя по всему, отражала наиболее ранний этап редакторской работы над текстом «Истории» и могла хронологически совпадать с начальным периодом известного доминирования рода Габрана в шотландской Дал Риате. Не предполагая строгой идентификации клановых связей с персонифицированным списком, такая правка адаптировала независимо циркулировавший ирландский пласт легенды (сюжет исхода «сыновей Конайре») к характерному для Дал Риаты этнокультурному контексту. Констатируемая в тексте «Истории» кровная связь Фергуса мак Эрка с Домангартом I и его двумя сыновьями была, подобно всем последующим соотнесениям, условием, легитимирующим род Габрана в качестве правящей в Дал Риате династии в один из периодов его несомненного господства, но тем не менее оставалась интерполяцией внесенной редактором или же писцом¹⁶.

Актуализация эпонимов или следующая группа интерполяций закономерно отражает возвышение рода Лоарна. Именно с этим обстоятельством могли быть связаны определяемые по списку В следы очередной «зачистки». Именно тогда фильтруются списки, и наряду с обновленными персоналиями появляются указания на определенную связь Лоарна Великого (*Loarn Mór*) и несущего его эпоним рода¹⁷. Все последующие корректировки рукописи лишь увеличивают объем эпонимов и отчетливее определяют зависимость между прибывшими в Дал Риату гэлами и структурой ее территориальной организации¹⁸.

Если выделенные Д. Баннерманом группы интерполяций действительно отражали социальные и властные изменения в Дал Риате VII–IX вв., то предлагаемая «Историей» схема, тем не менее, оказывается уязвимой в трех определяющих ее структурах элементах. Речь идет о декларируемых в тексте братских связях между Фергусом, Лоарном и Энгасом. Уровень проработки этих связей хронистом определялся не только доступным ему вариантом инкорпорирующей и легитимирующей новые территориальные приобретения легенды, связанной с предшествующем инаугурации военном походе королевского наследника в «соседние» или же «заморские» земли, но и доступным для иллюстрации такого родства эмпирическим материалом. Значимыми оказывались характерные для ирландской хроникальной традиции топосы, определяющие различные формы освоения встречаемых в ходе такого похода препятствий.

Если во время своей военной кампании наследник завоевывал или, как обычно определяли хронисты, овладевал новой территорией, то, оставаясь победителем, он заключал союз с завоеванными или заново отвоеванными землями, сначала символически, а затем и реально присоединяя их к владениям своего еще здравствующего предшественника. Как правило, населявшим такие земли племенам хроники присваивали эпоним наследника и именно таким образом завоеванные народы включались в орбиту родственных связей наследника.

Ни в одном из сохранившихся списков «Истории» хронист не упоминает об отцовском роде Фергуса (Кайрпре Риата)¹⁹, и тем более в тексте отсутствуют какие-либо намеки на род, появившийся в связи с его приходом в шотландский Аргайл, носящий его эпоним (должно быть что-то вроде *Cenel Fergusa Móir*). Напротив, его имя напрямую связывается с правящим родом Габрана уже в группе наиболее ранних текстовых вариаций. Судя по всему, речь должна идти о характерном не только для «Истории», но и других сочинений подобного жанра и тема-

¹⁵ *Bannerman J. Studies in the...* P. 120.

¹⁶ Наиболее поздние варианты таких генеалогий позиционируют Фергуса мак Эрка в качестве десятого (*Genelaid Albanensium*) и пятнадцатого (соответствующие списки в *Rawlinson B. 502*) потомка Кайрпре Риаты – основателя септа Дал Риата. Во всех списках, кроме McF, такое соотнесение отсутствует. *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban...* P. 157.

¹⁷ *Bannerman J. Senchus Fer n-Alban...* P. 155.

¹⁸ Более подробно об этом: *Bannerman J. Studies in the...* P. 62–64; 108–111.

¹⁹ В тексте упоминается Эоха Муйнремор – дед Фергуса и собственно род Эрков; Эрк мак Эхдах – отец Фергуса присутствует в описании, таким образом, лишь незримо.

тики инструментальном приспособлении широко бытовавшей в ирландской традиции легенды о заморском походе – в данном случае – одного из преемников Конайре Великого для легитимации правившего в Дал Риате рода Габрана.

Наиболее древний пласт легитимирующей легенды, как показывают сохранившиеся к концу VIII в. варианты²⁰, обрывался на моменте отплытия народа Дал Риаты к берегам Британии, но происходившие там события не детализировались. В таком виде легенда начиналась с того, что ирландские септы Мускрайге и Корко Дуибне, Корко Байскинд, а также Дал Риата, ведущие свою родословную от трех сыновей Конайре Великого (Кайрпре Муска, Кайрпре Баскайна и Кайрпре Риата)²¹, мигрировали в Мунстер, а там совместно с Эоганахтами²² завладели территориями, ранее принадлежавшими Эрне Мумайне²³. Позднее в первоначальный вариант повествования был интерполирован сюжет, уточнявший, что после того, как Дал Риата, спустя некоторое время, покинула Ульстер с тем, чтобы обосноваться в Британии (при этом без дальнейших деталей происходившего по ту сторону Ирландского моря), ее земли в Мунстере наследуются септом Корко Дуибне.

Во вступительной части «Элегии Колуиму Килле» содержатся продолжающие эту историю детали: начавшийся в Мунстере голод вынуждает Кайрпре Риату повести свой народ (Дал Риату) обратно в Ульстер, после чего (по одной из версий – вскоре) определенная его часть септа решает покинуть Ирландию, направившись, как следует из скупого уточнения, не столько в Британию (или же в более поздних версиях – Альбу), сколько в земли пиктов²⁴. На этом месте все существовавшие к концу VIII в. версии легенды обрываются, оставляя известный простор для последующих уточнений²⁵. Поскольку ни одна из сохранившихся версий легенды не конкретизирует персональный состав переселенцев и не уточняет (за исключением одной)²⁶ хронологические рамки исхода, перспектива ее последующей адаптации для легитимации доминировавшего в шотландской Дал Риате королевского рода представляется вполне возможной.

Судя по всему, такая адаптация преднамеренно элиминировала любую связь (но прежде всего хронологическую) с преданием о Кайрпре Риаты. Исключая упоминание о нем в восходящей линии предшественников Габрана, она лишала выстраиваемую преемственность незримого присутствия Конайре Великого, поскольку прежние версии легенды не содержали даже намеков на фигуру Фергуса и как следствие – возможно, находившихся в его окружении братьев. Единственно важным в адаптированной версии легенды оставался прежний мотив преемственности с ирландской Дал Риатой и конкретизированный во времени и пространстве факт свершившегося исхода²⁷.

²⁰ Речь идет о фрагменте из знаменитой истории о «сыновьях Конайре» или в другом варианте «семени Конайре». Основная, бытовавшая к рассматриваемому периоду версия опубликована: *Gwynn L. De Moccáib Conaire // Ériu. 1912. Vol. 6. P. 144–152; Gwynn L. De SiL Chonairi Mór // Ériu. 1912. Vol. 12. P. 130–142; Irish Liber Hymnorum / Ed. by J. Bernard. London, 1898. N. 33; тексты житий св. Фехина (ум. 660): Stokes W. Life of St. Fechin of Fore // Revue Celtique. 1891. Vol.12. P. 318–353; Follet W. Céili Dé in Ireland. Monastic Writing and Identity in the Early Middle Ages. Woodbridge, 2006.*

²¹ Факт отцовства Конайре Великого был небесспорен: речь идет о том, что в другой версии легенды родоначальники этих септов были сыновьями Конайре Коэма, который приходился правнуком Кайрпре Фармоару, одному из сыновей Конайре Великого. Конайре Коэм известен как «отец трех Койрпре» (Na Tri Coirpri).

²² Мунстерская династия, основанная \ Эоганом Мором, сыном полубогородного правителя Айлила Оллума, доминировала в Мунстере в период с V–XVI в.

²³ *Gwynn L. De Moccáib Conaire... P. 144–152; Gwynn L. De SiL Chonairi... P. 130–142.*

²⁴ Различные версии элегии датируются началом VII–VIII вв. *Leabhar Buidhe Lecain, or Yellow Book of Lecan: фрагмент I и II (col. 1–2, P. 436–437 и col. 125–128, P. 434–435); Stokes W. The Bodleian Amra Choluimb Chille // Revue Celtique. 1899. Vol. 20. P. 31–55, 132–183, 248–289, 400–437; Vernam E. Amra Choluim Chille // Zeitschrift für Celtische Philologie. 1961. Vol.28. P. 242–51; Fergus K. A Poem in Praise of Columb Cille // Ériu. 1973. Vol. 24. P. 1–34.*

²⁵ *Bannerman J. Studies in the... P. 44.*

²⁶ *Stokes W. The Bodleian Amra... P. 43.*

²⁷ *Bannerman J. Studies in the... P. 44, 122–124; Bannerman J. Senchus Fer n-Alban... P. 222–224 (датировка); 254–255 (упоминаемые в тексте топонимы)*

Вопрос о том, какое место занимали в адаптированной таким образом легенде Лоарн и Энгас, остается тоже загадкой. Можно предположить, что, подобно роду Г абрана, они и связанные с ними территориальные объединения уже существовали на территории Аргайла. В таком случае хронист, используя реальные факты, соединил их с оставшимися «вакантными» сюжетами легенды. Заполненные в легенде лакуны, однако, не позволяют судить об этническом происхождении стоявших за Лоарном и Энгасом «поселенцев». Были ли носившие их эпонимы рода исключительно гэльского или же, следуя Беде, смешанного происхождения, судить достаточно сложно.

Ответ, во многом любопытный для определения этнического состава далриатинских родов, дают исправления в тексте списка L. Имя Энгаса, как известно, присутствовало в обоих развернутых списках братьев Фергуса вплоть до того самого времени, когда один из редакторов не вычеркнул его из ирландского аналога, снабдив свои действия весьма однозначным комментарием: «*cuius tamen semen in Albania est*»²⁸. Поскольку факт использования топонима «Альба» не позволяет датировать это исправление ранее IX в., то, судя по всему, ситуация с определением этнического состава населения Дал Риаты оставалась вплоть до конца исчезновения королевства неразрешенной.

Если вспомнить трудности, которые испытывал Беда с определением этнического состава жителей Аргайла, то существование и взаимодействие генетически разнородного населения может оказаться вполне реальным. Известно, что северная граница Дал Риаты проходила по территории полуострова Арднамерхан, а далее на северо-востоке располагались земли северных пиктов. С юго-востока их подпирали границы бриттского Алт Клута, а по всей восточной периферии королевства тянулся общий с южными пиктами пограничный рубеж.

Сложно представить себе непроницаемость или замкнутость очерченного таким образом гэльского ареала. Беда писал о готовности гэлов, согласившихся после ухода пиктов дать им «жен», но с «одним условием, что королей они должны выбирать не по мужской, а по женской линии», а далее уточнял, «что этому обычаю пикты следуют до сего дня» (Bede. Hist. I.1). Любопытно, но грамматическая структура предложения не позволяет определить с точностью, идет ли речь об обычае «брать гэльских жен» или же о практике престолонаследия: не исключено, что Беда предполагал оба, связанных с гэллопиктским «соглашением» условия.

Если речь идет о присутствии в Аргайле до предполагаемого прихода Фергуса этнически разнородного или же смешанного населения (народ Ревды и пикты), то основанное на родственных связях территориальное единство Дал Риаты приобретает весьма условный и далекий от очевидного характер. Возможно, при таких условиях шотландская Дал Риата представляла собой не столько часть ее легендарного, завязанного на ирландские владения дифилитического прообраза, сколько была разновидностью композитарного по своей природе этнического образования, соединявшего в своей основе, по меньшей мере, гэльское и, очевидно, проживавшее в Аргайле ранее исхода народа Койпре Риаты (Ревды) пиктского или же гэло-пиктского населения.

* * *

УДК 94

ФЕДОРОВ СЕРГЕЙ ЕГОРОВИЧ. Д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

SERGEY FYODOROV. PhD, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
E-mail: s.fedorov(a)spbu.ru

²⁸ См. по этому поводу замечание Д. Баннермана: *Bannerman J. Studies in the...* P. 119.

ГЭЛЫ ШОТЛАНДСКОЙ ДАЛ РИАТЫ: МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧЕСКОГО СЦЕНАРИЯ

Статья рассматривает различные варианты легенд об основании шотландской Дал Риаты и обращает особое внимание на изложенную в «Истории народа скоттов» легенду. Определяя пути влияния ирландских легенд («О семени Конайре» и «О сыновьях Конайре») на содержание «Истории», автор показывает, каким образом эти предания были адаптированы в ее новой версии.

Ключевые слова: раннесредневековая Шотландия и Ирландия; Дал Риата; легенды об основании Дал Риаты; гэльские кланы; этнический сценарий.

THE GAELS OF THE SCOTTISH DAL RIATA: METAMORPHOSES OF AN ETHNIC SCENARIO

This paper verifies different versions of the foundation myth of the Scottish Dal Riata with a particular reference to the legend developed in *Senchus Fer n-Alban*. It traces the influence of the Irish legends (*De Moccaib Conaire* and *De Sil Chonairi Mór*) on *Senchus* and lays special emphasis on their adaptation in the newly articulated foundation story of Dal Riata.

Keywords: Dark Age Scotland, Dal Riata, Gaelic kindreds; foundation legend; ethnic scenario.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. В. В. Эрлихмана. СПб: Алетейя, 2001. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frametextl.htm> (дата обращения – 01.06.2015)
2. Федоров С. Я., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 352 с.
3. Amra Choluim Grille // Vernam E. Amra Choluim Grille // Zeitschrift fur celtische Philologie. 1961. Vol.28. P. 242–51.
4. Amra Choluimb Grille // Stokes W. The Bodleian Amra Choluimb Grille // Revue Celtique. 1899. Vol. 20. P. 31–55.
5. *Bannerman J.* Studies in the History of Dalriada. Edinburgh: Scottish Acedemic Press, 1974. 178 p.
6. Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by B. Colgrave & R. Mynors. Oxford: Clarendon P., 1969. 618 p.
7. Cetri prímhchenéla Dál Riata // Dumville D. Cetri prímhchenéla Dál Riata // Scottish Gaelic Studies. 2000. Vol.20. P. 175–183.
8. De Moccaib Conaire //Gwynn L. De Moccaib Conaire // Ériu. 1912. Vol. 6. P. 144–152;
9. De SíL Chonairi Mór//Gwynn L. De SíL ChonairiMór//Ériu. 1912. Vol. 12. P. 130–142;
10. *Dumville D.* Ireland and North Britain in the Earlier Middle Ages: Context for Miniugud *Senchusa Fher nAlban I I Rannsachadh na Gaidhlig 2000: Papers Read at the Conference Scottish Gaelic Studies 2000 Held at the University of Aberdeen 2–4 August 2000* / ed. by C. Baoill & N. McGuire. Aberdeen: An Clo Gaidhealach, 2002. P. 185–212.
11. *Dumville D.* Political Organization of Dal Riata // Tome. Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards/ ed. by F. Edmonds & P. Russell. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2011. P. 41–52.
12. *Follet W.* Céili Dé in Ireland. Monastic Writing and Identity in Early Middle Ages. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2006. 253 p.
13. *Fraser J.* From Caledonia to Pictland. Scotland to 795. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.436 p.
14. Irish Liber Hymnorum / Ed. by J. Bernard. London: Henry Bradshaw Society, 1898. In 2 vol.

15. Life of St. Fechin of Fore // Stokes W. Life of St. Fechin of Fore // *Revue Celtique*. 1891. Vol. 12. P. 318–353.
16. Níeke M., Duncan H. Dalriada: the Establishment and Maintenance of an Early Historic Kingdom in Northern Britain // *Power and Politics in Early Medieval Britain and Ireland* / ed. by S. Driscoll & M. Níeke. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988. P. 6–21.
17. Poem in Praise of Colum Cille // Fergus K. A Poem in Praise of Colum Cille // *Ériu*. 1973. Vol. 24. P. 1–34.
18. Senchus Fer n-Alban // Bannerman J. Senchus Fer n-Alban // *Celtica*. 1966. Vol. 7. P. 154–159.
19. Sharpe R. The Thriving of Dalriada // *Kings, Clerics and Chronicle in Scotland, 500-1297: Essays in Honour of Marjorie Ogilvie Anderson on Occasion of Her Ninetieth Birthday* / ed. by S. Taylor. Dublin: Four Court Press, 2000. P. 47–61
20. The Annals of Innisfallen: (ms. Rawlinson B. 503) / ed. by S. Mac Airt. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1977. 596 p.
21. The Yellow Book of Lecan: a collection of pieces (prose and verse) in the Irish language, in part compiled at the end of the fourteenth century / ed by R. Atkinson. Dublin: Royal Irish Academy House, 1896. 468 p.

REFERENCES

1. “Amra Choluim Chille” in Vernam Hull. “Amra Choluim Chille”, *Zeitschrift für celtische Philologie* 28 (1961). P. 242–51.
2. “Amra Choluimb Chille” in Stokes Whitley. “The Bodleian Amra Choluimb Chille”, *Revue Celtique* 20 (1899). P. 31–55.
3. Beda Dostopochtennij. *Zerkovnaja istorija naroda anglov*, transl. Vadim Erlikhman. Saint Petersburg: Aleteja Publ., 2001. <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Beda/frametextl.htm> (date of access: 01.06.2015) (in Russian)
4. *Bede's Ecclesiastical History of the English People*, ed. Bertram Colgrave, Roger Mynors. Oxford: Clarendon P., 1969. 618 p.
5. Bannerman John. *Studies in the History of Dalriada*. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1974. 178 p.
6. “Cetri prímhchenéla Dál Riata” in Dumville David. “Cetri prímhchenéla Dál Riata”, *Scottish Gaelic Studies* 20 (2000). P. 175–183.
7. “De Moccaib Conaire” in Gwynn Lucius. “De Moccaib Conaire”, *Ériu* 6 (1912). P. 144–152.
8. “De Síil Chonairi Mór” in Gwynn Lucius “De Síil Chonairi Mór”, *Ériu* 12 (1912). P. 130–142.
9. Dumville David. “Ireland and North Britain in the Earlier Middle Ages: Context for Miniugud Senchusa Fher nAlban” in *Rannsachadh na Gaidhlig 2000: Papers Read at the Conference Scottish Gaelic Studies 2000 Held at the University of Aberdeen 2–4 August 2000*, ed. Colm Ó Baoill and Nancy McGuire. Aberdeen: An Clo Gaidhealach, 2002. P. 185–212.
10. Dumville David. “Political Organization of Dal Riata” in *Tome. Studies in Medieval Celtic History and Law in Honour of Thomas Charles-Edwards*, ed. Fiona Edmonds, Paul Russell. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2011. P. 41–52.
11. Fyodorov Sergej, Palamarchuk Anastasija. *Srednevekovaya Shotlandia*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2014. 352 p. (in Russian)
12. Follet Westley. *Cíli Dé in Ireland. Monastic Writing and Identity in Early Middle Ages*. Woodbridge, Rochester: Boydell Press, 2006. 253 p.
13. Fraser James. *From Caledonia to Pictland. Scotland to 795*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 436 p.
14. *Irish Liber Hymnorum*, ed. John Bernard. London: Henry Bradshaw Society, 1898. In 2 vol.

15. “Life of St. Fechin of Fore” in Strokes Whitley. “Life of St. Fechin of Fore”, *Revue Celtique* 12(1891). P. 318–353.

16. Nieke Margaret, Duncan Holly. “Dalriada: the Establishment and Maintenance of an Early Historic Kingdom in Northern Britain” in *Power and Politics in Early Medieval Britain and Ireland*, ed. Stephen Driscoll and Margaret Nieke. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1988. P. 6–21.

17. “Poem in Praise of Columb Cille” in Fergus Kelly. “A Poem in Praise of Columb Cille”, *Ériu* 24 (1973). P. 1–34.

18. “Senchus Fer n-Alban” in Bannerman John. “Senchus Fer n-Alban”, *Celtica* 7 (1966). P. 154–159.

19. Sharpe Richard. “The Thriving of Dalriada” in *Kings, Clerics and Chronicle in Scotland, 500-1297: Essays in Honour of Marjorie Ogilvie Anderson on Occasion of Her Ninetieth Birthday*, ed. Simon Taylor. Dublin: Four Court Press, 2000. P. 47–61.

20. The Annals of Innisfallen: (ms. Rawlinson B. 503), ed. Séan Mac Airt. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1977. 596 p.

21. The Yellow Book of Lecan: a collection of pieces (prose and verse) in the Irish language, in part compiled at the end of the fourteenth century, ed. Robert Atkinson. Dublin: Royal Irish Academy House, 1896. 468 p.

Сакрализация терминологии власти у тюрков раннего Средневековья в Центральной Азии

Фукало в И. А.

Власть – неотъемлемая часть исторической сущности истории тюркских народов и государств. В историческом процессе власть каганов у тюрков являлась основополагающим условием существования не только государства, но и самих народов. Это подтверждается памятниками тюркской письменности периода расцвета тюркской государственности. В надписях, посвященных Капаган-кагану, Кюльтегину и Тоньюкуку, четко обозначается значимость кагана в условиях борьбы за гегемонию в Центральной Азии. То же самое мы можем отметить в так называемом «плаче» по кагану енисейских кыргызов Барсбеку. Власть в эпоху раннего Средневековья подтверждала свою государственно-образующую роль как сакральным статусом (через религиозные институты верховного жречества), так воинской доблестью на поле сражений. Особую роль во власти у тюрков играло тенгрианство, являющееся мощным сакральным институтом поддержки власти.

Зародившийся в середине VI в. великий Тюркский каганат оказался самым сильным и могущественным государством Евразии этого времени. Его основатель Бумын-каган стал зачинателем династии Ашина. Сакральный статус его при этом был крайне высок, что подчеркивалось в том числе и поздними каганами. В продолжение данного культа его составной частью становится культ Эль-хана Бумына, который также «вырос» из культа ашиноидов. Данный культ целиком и полностью был понятен и связан только с древнетюркской государственностью. Исследователи соотносят его с этнической первоосновой ашинаидов и считают культом, внеэтническим к основной массе тюрков. Культ рода Ашина имеет морфологическую связь с обыденным, можно сказать, тривиальным, культом предков, характерным для древнего пласта любого общества²⁹. Однако, с изменением роли и места отдельно взятого рода Ашина, данный культ в этом объекте гипертрофированно преломляется, превратившись в «царский» культ с добавлением политических церемоний и ритуалов. Основные контактные точки этого культа заключались в почитании личности кагана, пещеры предков и в поклонении волку.

Уже к концу века могущественная тюркская держава разделяется на две части; при этом каганы как Западного, так и Восточного каганатов сохраняют за собой сакральную титулатуру. Личные имена в китайских источниках продолжают фиксироваться родовым именем «Ашина», а корпусная титулатура включает в себе наследные имена (Эль, Ышбара, Бури)³⁰. По нашему мнению, суть сохранения данных титулов заключается в сохранении легитимности правителя в двух раннее указанных ветвях власти кагана над элем (народом). Без несения сакральных титулов или при их изменении каган терял сущность своей власти, «кут», даруемой свыше.

После падения каганата восточных тюрков в начале VII в. и временном подчинении его Китаю, марионеточные правители также несли титулы, напрямую связанные с родом Ашина. Китайские императоры не смели нарушить уже заведенную традицию, но при этом играли на чувствах тюрков, стремясь переподчинить их сакральность напрямую себе. Китайские импе-

²⁹ Львова Э. А., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 113.

³⁰ Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI–VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985. С. 9–11.

раторы, фактически присвоив себе сакральную культуру перехода власти «Тенгри-каган-эль», именовались «отцами» тюркских каганов того периода³¹.

Вскоре после нескольких неудачных восстаний тюрки восстановили свою государственность на востоке Великой степи. Во главе воссозданного государства встает Кутлуг каган. В его титуле и имени сочетались как сакральная титулатура рода Ашина, так и тенгрианская основа «кут». Таким образом, он стремился высвободить и восстановить сакральную титулатуру тюрков времен величия каганата. В это же время происходит воссоединение двух ветвей каганских родов тюрков – Ашина и Ашидэ. Присоединение к ополчению Кутлуг-чора влиятельного лидера ашидэ, Тоньюкука (кит. Ашидэ Юаньчжень), знаменовало собой качественно новый этап в развитии тюркского возрождения. В летописи сообщается: «Гудолу был очень обрадован, что он (Юаньчжень) перешел на его сторону, назначил его абодаганем и передал в его полное ведение все военные дела»³². Тоньюкук стал советником кагана. Во время интронизации Кутлуг-чор был наречен тронным именем Эльтериш-каган, а его супруга получила имя Эльбильге-кагун.

После смерти ему наследует его младший брат Бег-чор (кит. Мочжо; после интронизации получил имя Капаган-каган). В описании интронизации Бег-чора скрытно отмечается эпизод борьбы двух начал в престолонаследовании. Судя по общему тону документов, Кутлугу должен был наследовать его сын, что означало бы внедрение патриархального порядка наследования по прямой нисходящей линии «отец-сын», но престол был занят Бег-чором, младшим братом Кутлуга, что вполне соответствовало традиционному порядку наследования по коллатеральному принципу. Было объявлено о похищении престола и о том, что Бег-чор «сам назвался каганом»³³. Источники скрывают от нас очень активную политическую и родовую борьбу, происходившую в каганате в то время. Попытка изменить престолонаследие едва не обернулась катастрофой: в момент обретения величия тюркские каганы были вынуждены потратить время на восстановление легитимности власти и ее сакрального статуса. Наступил период укрепления Второго Восточного тюркского каганата (693–716 гг.), в который восточные тюрки столкнулись с окрепшими народами енисейских кыргызов и тюркешей. Их титулатура совпадала с тюркской. Стоит отметить момент столкновения – сразу три народа, исповедующих приблизительно одинаковую религию и несущих в себе сакральность некогда единого каганата, вступили в борьбу за гегемонию во всей Центральной Азии. Кыргызский ажо Барсбек встал во главе триединого союза кыргызов, тюркешей и тибетцев. Сам Барсбек в начале VIII в. принимает титул Ынанчу Алп Бильге Каган. Таким способом правитель енисейских кыргызов счел нужным совместить сразу четыре титула – собственно титул «каган», затем имя «бильге» (мудрый, знающий путь), с сохранением при этом енисейско-кыргызской титулатуры «алп». Восточно тюркские каганы не имели таких титулов, кроме самого наследника престола Бильге кагана. Тем самым Барсбек бросил вызов кагану восточных тюрков. На тот момент престол занимал Капаган каган, но главнейшую роль в каганате играл Кюльтегин: хоть сакральный статус его титула был слаб (лишь передаваемый по наследству титул «тегин»), он сумел оставить после себя славу о грандиозных подвигах, совершаемых в честь своего народа. В это же время тюркешей в Средней Азии также стали обосновывать свою преемственность прав каганата. После того, как в конце VII в. были перебиты наследники рода Ашина, тюркешей усиленно стали выдвигать своих ставленников на власть. Они владели важнейшей ветвью Великого шелкового пути и по праву считали себя преемниками каганов, при этом правители тюркешей не назывались почтительно каганами, отлично понимая, что сил удержать этот титул у них нет. Они

³¹ *Его же*. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки АГУ. 1984. Вып. 25(9). С. 16–25.

³² Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2003. С. 108.

³³ Pritsak O. Karachanidische Streitfrage // Oriens. Vol. 3. N. 2.1950. S. 41.

довольствовались титулом «джабгу» (наместник), который переходил и как наследственный, и как сакральный. Умудренные опытом борьбы в Средней Азии тюргеши, вступив в союз с Барсбеком, признали его высокий титул и роль главного лидера в союзе. Барсбек поступил мудро и расчетливо: тюргеши, наступившие с запада, тибетцы с юга и енисейские кыргызы с севера вполне могли разгромить восточных тюрков. Но Кюльтегин решил опередить кыргызского кагана – он решил разгромить противников поодиночке. Китай остался в стороне от распрей соседей, приняв политику «мудрой обезьяны», как исповедовали учителя-даосы. Кюльтегин за короткое время разбил тюргешей и тибетцев, а затем зимой 711 г., воспользовавшись помощью предателя из племен азов, пробился в тыл енисейским кыргызам и напал на них в грандиозной битве при Черни Сунга. Барсбек погиб, а наследник престола восточных тюрков принял в 716 г. его титул Бильге. Борьба шла не только на воинском уровне: сакральные титулы требовали подтверждения, поскольку по неписанным законам Степи каган мог быть только единственным. Восточные тюрки также исчерпали себя в борьбе с кыргызами – уже через 20 лет они настолько ослабли, что их правители утратили авторитет, вновь став, по сути, марионетками Китая. После смерти великих правителей Тоньюкука и Кюльтегина, а затем – и Бильге кагана, пришел черед распрей и раздоров, закончившихся воцарением в Центральной Азии государства уйгуров. В это же время тюргеши подняли на время собственного кагана – Сулук Чабыш Чора. Как известно, тюргеши не принимали высшей тюркской титулатуры, но каган Сулук стал исключением. Он добил остатки западных тюрков (марионеток Китая в Средней Азии)³⁴, а затем поставил себя каганом всех тюрков Средней Азии, на время объединив разнородные племена. Его борьба против арабов и Китая сохранилась в источниках как арабско-персидского, так и китайского происхождения; последние, именовали его в транскрипции (кит. упр.##, пиньинь: sulu, падл.: Сулу, буквально: «lang-kk»). «Каган Сулук» стал на некоторое время препятствием для столкновения двух сил – арабов и китайцев. Его независимое государство при сохранении титула «каган» могло бы просуществовать и дольше, но распри между двумя родами вновь погубили наследие кагана. Его преемники довольствовались титулом «тархан», что являлось небольшим княжеским титулом. Пришедшие после тюргешей карлуки сохранили титул «ябгу», «джабгу» как наследственный и наделенный сакральностью, но при этом их раздробленность не давала им возможности достичь успеха в создании целостного государства после Таласской битвы 751 г.³⁵ Итак, к середине VIII в. титул «каган» уже не мог быть присвоен никем из тюркских или родственных им племен. Уйгурские правители рода Яглакар успешно расправились с союзными им басмылами, а затем стали править в основной части Центральной Азии. Титулатура уйгурских правителей также основывалась на тюркском корне: первый правитель носил имя Кутлуг, что явно было связано с победой над ослабевшими восточными тюрками. Уже через несколько десятков лет начинает проследиваться борьба с усиливавшимися енисейскими кыргызами – уйгурские правители стали присваивать себе титулы «ачо», при этом добавляя по китайским летописям наименование «кэхань» как правители тюрков³⁶. Повлияла и смена религии – по Великому шелковому пути к уйгурам проникли проповедники манихейства, которые, следуя заветам своей религии, стали оказывать сильное влияние на правителей рода Яглакар вплоть до установления очередности престолонаследия³⁷. В конечном итоге религиозные и племенные распри, а также резкая смена климата привели к упадку уйгурского государства, а на смену ему пришло установившееся после 840 г. Кыргызское великодержавие. Енисейские кыргызы умело воспользовались распрями внутри уйгуров и удачно выбрали момент восстания против правителей, облагавших их данью с 744 г.

³⁴ Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. СПб., 2001. С. 61–70.

³⁵ Lui Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T' u-kue), Wiesbaden, 1958. S. 66–71.

³⁶ Зуев Ю. А. Создание Тюргешского каганата: история и традиция // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996. С. 39–48.

³⁷ Виденгерн Гео. Мани и манихейство./ пер. с нем. С. В. Иванова. СПб., 2001. С. 41–47.

В течение 20 лет шла война, в результате которой енисейские кыргызы стали владыками Центральной Азии. В китайских летописях начинают указываться кыргызские послы от кыргызского кагана как равные китайскому императору³⁸. К сожалению, в этот момент прерывается цепочка летописей китайских источников, а арабские источники были более заняты борьбой в халифате. Имена кыргызских каганов еще предстоит выяснить как археологии, так и источниковедению.

Насколько нам позволяет оценить современная историография, они также были составлены из тюркских и кыргызских титулатур, при этом манихейство среди енисейских кыргызов не укрепилось. В это же время в Средней Азии карлукские джабгу приняли ислам. В результате ряда столкновений с более укрепленным государством Саманидов у джабгу начался переход в более прогрессивную составляющую государства. Карлукская государственность не пала – она модифицировалась. От карлукского государства (соединения племен) получила свое происхождение династия Караханидов, поскольку титулы «арслан-джабгу» и «богратегин» пошли напрямую от карлуков.

В заключение стоит отметить, что сакральность титулов у тюрков в раннем средневековье всегда являлась основной составляющей их власти, легитимным и легализующим моментом в процессе генезиса государств и народов, населявших Центральную Азию в ту эпоху.

* * *

УДК 94(5) «04/14»

ФУКАЛОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Соискатель степени кандидата исторических наук, Кыргызский Национальный Университет им. Жусупа Баласагына, Бишкек.

IVAN FUKALOV. Postgraduate student, Kyrgyz National University, Bishkek.

E-mail: fukalov1988(a)mail.ru.

САКРАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ВЛАСТИ У ТЮРКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Средневековые представления о божественности правителя – носителя идеи порядка, участника космологического действия, – являлись всеобщими. Обоожествление главы государства было важной коллективно-психологической предпосылкой интеграционных процессов в центрально-азиатских номадических обществах. По нашему мнению, аналогичными сакральными позициями обладали тюркские и кыргызские правители. Однако источники не содержат прямого и концентрированного описания системы таких представлений. Вместе с тем традиция осмысления власти в категориях «священного», как и любое другое явление культуры, не могло исчезнуть, не оставив никакой информации. В современных исследованиях расшифровке подобной информации должно быть уделено большое внимание. Данные, содержащиеся в памятниках енисейской и орхонской руники, в китайских и мусульманских источниках, синхронны реконструируемому мировоззренческому образу. Они могут стать основой для параллелей с фольклорными материалами, не имеющими прочной хронологии.

Очевидно, что титулы правителей несли в себе особую роль в отношении сакрализации как наследуемой по принципу передачи или заимствования титула, становившегося сакральным. Это стоит отметить в отношении титулов «тегин», «тархан», «джабгу». Кроме функции обозначения занимаемого поста в каганате, эти титулы несли сакральную нагрузку, делая их обладателей более значимыми в среде тюркской элиты. С первых шагов государственной истории тюркское общество было строго ранжировано. Место и политический вес члена общества

³⁸ Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч., Т. II. 4.1. М., 1963. С. 34, 78.

во многом определялись его титулом, нередко наследственным, закреплявшим положение его носителя в системе социальных связей и соподчинений.

Очевидно, что древнетюркский и кыргызский корпусы титулатуры теснейшим образом связаны между собой. Получение титула было очень важным моментом в жизни представителя правящего слоя государства. Часто это событие и описание заслуг фиксировалось в эпитафии. Принятие кыргызским правителем титула каган означало не только политический акт, но и претензию на обладание сакральностью кагана во всей ее полноте.

Ключевые слова: Средневековье; тюрки; власть; религия; сакрализация; правитель.

SACRALIZATION OF THE TERMINOLOGY OF POWER BY EARLY MEDIEVAL TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Medieval people shared perceptions about divinity of the governor – the bearer of the idea of the order, the participant of cosmological actions. Deification of the heads of the state was the important collective-psychological prerequisite of the processes of integration in Central Asian nomad societies. In our opinion, Turkic and Kirghiz governors possessed similar sacral positions. However, sources do not contain direct and solid description of the system of such perceptions. At the same time, the tradition of interpreting power in the categories of «sacred», as well as any other phenomenon of culture, could not disappear, not having left any information. Modern researchers should pay great attention to decoding such information.

Obviously, the titles of governors played a special role in the attitude towards sacralization, which was inherited and, thus, the title became sacral, which should be noted as far as the titles «tegin», «tarhan», «jabgu» are concerned. Besides the function of denomination of the occupied position in the Khaganate, these titles had sacral meaning, making their owners more significant in the environment of Turkic elite. From the first steps of the history of the Turkic state the Turkic society was strictly hierarchical. The place and political heft of a member of society were in many respects defined by his title, quite often hereditary, which strengthened the position of its bearer in the system of social communications.

It is evident that Turkic and Kirghiz titles are closely connected with each other. The acquisition of the title was a very important moment in the life of a representative of a ruling layer of the state. This event and the description of merits were frequently recorded in the epitaph. The acquisition of the khagan title by Kirghiz governor meant not only the political art, but also the claim for possession of sacrality of the khagan in all its completeness.

Keywords: the Middle Ages; Turkic people; the power; religion; sacralization; the governor.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч., Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 471–543.
2. Виденгрэн Гео. Мани и манихейство./ пер. с нем. С. В. Иванова СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001.
3. Гумилев А. Н. Древние тюрки. М.: Кристалл, 2003. 575 с.
4. Зуев Ю. А. Создание Тюркешского каганата: история и традиция // Эволюция государственности Казахстана. Алматы, 1996. С. 39–48.
5. Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: «Наш Мир», 2001. 216 с.
6. Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI–VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1985. С. 165–168.
7. Кляшторный С. Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. 1984. Вып. 25(9). С. 16–25. 254 с.

8. Азъвова Э. А., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 241 с.

9. Lui Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T' u-kue). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. 831 s.

10. Pritsak O. Karachanidische Streitfrage // Oriens. Vol. 3. N. 2. 1950. S. 209–228.

REFERENCES

1. Bartol'd Vasilij. "Kirgizy. Istoricheskij ocherk" in *Sochineniya*. In 9 vol. Vol. II. Part 1. Moscow: Nauka Publ., 1963. S. 471–543. (in Russian).

2. Gumilev Lev. *Drevnie tjurki*. Moscow: Kristall Publ., 2003. (in Russian).

3. Kamalov Ablet. *Drevnie ujugury VIII–IX vv.* Almaty: Nash Mir Publ., 2001. (in Russian).

4. Kljashtornyj Sergej. "Genealogija i hronologija zapadnotjurkskih i tjurgeshskih kaganov VI–VIII w." in *Iz istorii dorevoljucionnogo Kirgizstana*. Frunze: Ilim Publ., 1985. S. 165–168. (in Russian).

5. Kljashtornyj Sergej. *Kagan, begi i národ v pamjatnikah tjurkskoj runicheskoj pis'mennosti, Uchenye zapiski LGU25* (1984). P. 16–25. (in Russian).

6. Lvova Jeleonora, Oktjabr'skaja Irina, Sagalaev Andrej, Usmanova Mar'jam. *Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiři: Chelovek. Obshhestvo*. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoje otdelenie Pubk, 1989. (in Russian). 241 p.

7. Lui Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (T'u-kue)*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. 831 s.

8. Pritsak O. *Karachanidische Streitfrage, Oriens* 3 (1950). 831 p. P. 209–228.

9. Videngren Geo. *Máni i manihejstvo*, transl. S. V. Ivanova Saint Petersburg: Izdatel'skaja gruppa «Evracija» Publ., 2001. (in Russian).

10. Zuev Jurij. "Sozdanie Tjurgeshskogo kaganata: istorija i tradicija", in *Jevoljucija gosudarstvennosti Kazahstana*. Almaty, 1996. S. 39–48. (in Russian).

German, Roman and Frankish: the national narratives of the early Hohenstaufen era (1138–1190) and their Influence on high Politics

Vedran Sulovsky

Shortly after the end of the investiture controversy, Henry V (1106–1125), the last emperor of the Salian dynasty, died childless. While Lothair III of Supplingenburg (1125–1137) succeeded him at first, at his death it was Conrad III of Hohenstaufen (1138–1152), who was elected king. His position was very weak: Saxony and Bavaria were his open enemies, while Italy fell into complete disarray. The new ruler desperately needed to boost his legitimacy, but he never really achieved this. It is difficult to tell how Conrad would have portrayed himself as a legitimate ruler, as no source commissioned by him remains. However, Otto of Freising's *Chronica sive historia de duabus civitatibus*, written in 1146 was revised in 1153 in order to be presented to Frederick Barbarossa (1152–1190), Conrad's nephew and heir. However, only a small part of the text was actually revised. Otto of Freising, who was a close relative to the Hohenstaufen, apparently believed in the same 'national' narrative as the Hohenstaufen, as other sources from the court of Frederick I prove.

Otto's view of world history is a complicated one. First of all, he conceives the Roman Empire as the last of the four empires as prophesized by Daniel, after whose end the world itself should end. The empire, however, migrated from one people to another for quite some time, having gone from the Romans to the Greeks, then to the Franks, who then lost it to the Langobards, who, in turn, lost it to the *Franzi Teutonici*, the German Franks. During this migration the Roman Empire grew weak³⁹. Both the Western, that is, Latin, Franks and the German Franks were descendants of the Trojans, who, upon escaping the burning city of Ilium, split into two groups: while the future Romans followed Aeneas on his way to Latium, the future Franks went to Scythia and called themselves the Sicambri⁴⁰. Interestingly, Otto describes the rise of the

Roman Empire as well as the history of the Franks⁴¹. In fact, the history of the *impérium* itself takes pride on the place in his *History of the Two Cities*, whose title refers to the Church and the Empire, which are called the *civitas Dei* and the *civitas terrena*, respectively⁴². Christ's birth during the times of Augustus (27 BC-14 AD) was described by Otto as the will of God, who wanted to make Rome the seat of the Church⁴³.

To Otto, the key moment of world history was the reign of Constantine the Great (306–337), who Christianized the Roman Empire and united the *civitas Dei* and *civitas terrena* into the *civitas permixta*. However, Constantine moved the *impérium* to Constantinople and gave it to the Greeks. Whether Constantine gave the western part of the empire to Pope Sylvester I or not, Otto does not decide, but leaves it to the reader⁴⁴. The fall of Rome is a dramatic episode in Otto's chronicle, followed a row of tyrannies in Italy until Justinian's reconquest of it for the Romans⁴⁵. From then on the chronicle traces the history of the Franks until Charlemagne renovated the Roman Empire under

³⁹ *Otto of Freising*. *Chronica sive historia de duabus civitatibus*, ed. A. Hofmeister, MGH SRG in usum scholarum separatim editi 45. Hannover, 1912. P. 6–9.

⁴⁰ *Ibid.* P. 56–57.

⁴¹ *Otto of Freising*, *Chronica sive historia...* P. 65–67 *et passim*.

⁴² *Ibid.* P. 99–100.

⁴³ *Ibid.* P. 141–143.

⁴⁴ *Ibid.* P. 180–192.

⁴⁵ *Ibid.* P. 218–237.

the Franks, finally transferring it away from Constantinople⁴⁶. It is at this precise point that the two Trojan lines, the Roman and the Frankish, finally converge. After the Carolingians lost control of the empire, Henry I (919–936) was elected king of Eastern Francia. For Otto of Freising this was the key moment in the history of his country, the Roman Empire, as it was disputed whether Henry I continued the *regnum Francorum* or started a *regnum Teutonicorum*. Otto solves the problem by stating that the *regnum Teutonicorum*, which held the *impérium Romanum* in his own day, was a part of the *regnum Francorum*. Finally, the *impérium Romanum* was conquered by Otto the Great from the Langobards in 962⁴⁷.

However, the problem of the Hohenstaufen Frankish ideology was that the Ottomans (919–1024) were a Saxon dynasty. In order to solve this problem, it was stated that Conrad II's (1024–1038) wife, Gisela, was a descendant of Charlemagne, and therefore the throne of Germany would return to the Franks under her descendants⁴⁸. This version of history was the official one in the 1150s, when Otto of Freising started writing the *Gesta Friderici I. imperatoris* in 1156, and which his chaplain Rahewin continued up to 1160⁴⁹. However, as this was a work of contemporary history, there are fewer ideological elements in it. Yet the main elements of the ideology are still present as both Otto and Rahewin invent Frederick Barbarossa's speeches on his Italian campaigns. The speeches show several important elements of the identity of Barbarossa's court:

1) they considered themselves Eastern Franks and Germans, 2) Charlemagne conquered the *impérium* from the Langobards for the West Franks, while Otto the Great conquered it again from the Langobards for the East Franks⁵⁰. While the political character of Frederick's speeches and his goal to reestablish imperial rule in Italy is obvious, his source of legitimacy, the legacy of the Franks, was fervently denied by the Senate of Rome, which claimed that only the city of Rome may bestow the *impérium Romanum* upon a person, and that not even the pope could do so⁵¹. The papacy and many Italian authors, however, believed that the *impérium* was the pope's to give⁵². Even pro-Hohenstaufen authors such as Otto Mořena⁵³ and the anonymous author of the *Carmen de gestis Friderici I. in Lombardia* held this view⁵⁴. Frederick and his court, on the other hand, had a different view: the emperor was crowned by God while the pope was merely the physical instance through which God operated⁵⁵, just like God anointed David through his agent, the prophet Samuel⁵⁶.

The question is: what was at stake for both Conrad III and Frederick I? While the first could not force his opposition in Germany to submit, Frederick had practically no opposition there except in the 1180s. What they had in common was the plan to restore imperial rule over Italy and conquer the Kingdom of Sicily while giving out as few concessions to the papacy and the Byzantine Empire as possible⁵⁷. Both Conrad III and Frederick I were elected as kings when another candidate was the legal

⁴⁶ Ibid. P. 244–258.

⁴⁷ Ibid. P. 262–285.

⁴⁸ Otto of Freising. *Chronica sive historia*. . . P. 290–291.

⁴⁹ C. Mierow (ed. and trans.). *The Deeds of Frederick Barbarossa*. New York, 1966. P. 3–4.

⁵⁰ Otto of Freising. 'Ottonis Gesta Friderici I. imperatoris', in Georg Waitz and Bernhard von Simson (eds.), *MGH SRG in usum scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris*. Hannover, 1912. P. 1–161, atp. 136–139; *Rahewin of Freising*. 'Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris', in Georg Waitz and Bernhard von Simson (eds.), *MGH SRG in usum scholarum separatim editi 46. Ottonis et Rahewini. Gesta Friderici I. imperatoris*. Hannover, 1912. P. 162–346, at p. 202–204.

⁵¹ Otto of Freising. 'Gesta Friderici'. P. 44–47, 135–139.

⁵² *Rahewin of Freising*. 'Gesta Friderici'. P. 172–179.

⁵³ Otto Mořena. 'Ottonis Morenae eiusdemque continuatorum Libellus de rebus a Frederico imperatore gestis', in F.-J. Schmale (ed. and trans.), *Italische Quellen über die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief über den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* Darmstadt, 1986. P. 34–239, at s. 60–62.

⁵⁴ *Anonymus*. *Carmen de gestis Friderici I. imperatoris in Lombardia*, ed. I. Schmale-Ott, *MGH SRG 62*. Hannover, 1965. P. 3, 23.

⁵⁵ *Rahewin of Freising*. 'Gesta Friderici'. P. 187–188.

⁵⁶ *Godfrey of Viterbo*. 'Pantheon', in Georg Heinrich Pertz and Georg Waitz (eds.), *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII*, 2. Hannover, 1872. P. 107–307, atp. 221–222.

⁵⁷ J. Dendorfer. 'Konrad III. und Byzanz', in K.-H. Ruffi (ed.), *Die Staufer und Byzanz*. Góppingen, 2013. P. 58–73, at p. 68–69;

heir of the previous ruler: Conrad succeeded Lothair III instead of his son-in-law Henry X of Bavaria, and Frederick succeeded Conrad III instead of Conrad's seven-year-old son Frederick⁵⁸. However, there is a difference between the two Hohenstaufen. While Conrad III died never having achieved unity in the empire, Frederick's catastrophic Italian campaign of 1166–1168 produced unexpected results: half his court had died of the plague, including his young cousin, Frederick of Rothenburg. Barbarossa was now free to crown his own son, Henry VI, junior king in 1169⁵⁹.

This change is reflected in the works of Godfrey of Viterbo, which contains a narrative revised for the different situation of the 1180s. Godfrey's position as tutor to Henry VI makes his work even more interesting, as most of his works were apparently written for the education of the young king⁶⁰. A noticeable change in the narrative is that while Otto of Freising praised the elective principle of the imperial succession in the 1150s⁶¹, already Godfrey of Viterbo's first work, the *Speculum regum*, instructed Henry VI to look up to his ancestors, including Nimrod, whom God himself gave royal power, Jupiter, who was the first man to call himself a god, and Augustus, who founded the Roman Empire and almost proclaimed himself a god, but then had a vision of the Mother of God with Child⁶². The *Speculum's* story of Constantine the Great is a different case altogether: Henry VI is taught that Constantine was a base foreigner who robbed Rome of her *impérium* and gave it to the *Greculi*⁶³. Moreover, he was an Arian heretic who introduced heresy to the whole world. Godfrey's later works, including all the versions of the *Pantheon*, describe Constantine in line with Otto of Freising's *Chronica*⁶⁴.

Godfrey's history of the Franks is an even more ideologically biased. In one version, Clovis was baptized even before Constantine the Great was. Clovis was, therefore, more virtuous and beloved of God, just like his people, the Franks, were⁶⁵. In Godfrey's other versions of Frankish history a more realistic chronology is observed⁶⁶. The Carolingian overthrow of the Merovingians is portrayed as a natural development of a people who could not bear feeble rulers⁶⁷. Godfrey retells the legend of Charlemagne, the main character in all of his works, differently each time. However, aside from the references to David's anointment during Charlemagne's coronation by God, the most striking element found in Godfrey's works is the reworked genealogy of Charlemagne. His father remains Pepin the Short (751–758), who is described as a Frank, but his mother Bertrada becomes Berta, the granddaughter of Emperor Heraclius (610–641). As Godfrey states, Charlemagne united the two Trojan lineages, the Frankish and the Roman-Greek, into one, thereby becoming the rightful ruler of the *impérium Romanum*⁶⁸. The rest of Godfrey's Frankish and German history follows Otto of Freising's model⁶⁹.

K. Gorich. 'Friedrich Barbarossa und Byzanz', in K.-H. Ruedi (ed.), *Die Staufer und Byzanz*. Göttingen, 2013. P. 74–85, at p. 75.

⁵⁸ K. Gorich. *Friedrich Barbarossa: Eine Biographie*. Munich, 2011. P. 56, 90–110.

⁵⁹ *Ibid.* P. 418–424.

⁶⁰ F. Hausmann. 'Gottfried von Viterbo: Kapellan und Notar, Magister, Geschichtsschreiber und Dichter', in A. Haverkamp (ed.), *Friedrich Barbarossa. Handlungsspielräume und Wirkungsweisen des staufischen Kaisers*. Sigmaringen, 1992. P. 603–621, at p. 605–68, 614–615.

⁶¹ *Otto of Freising*. 'Gesta Friderici'. P. 103.

⁶² *Godfrey of Viterbo*. 'Speculum regum', in Georg Heinrich Pertz and Georg Waitz (edd.), *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII, 2*. Hannover, 1872. S. 21–93, at p. 68–69.

⁶³ *Ibid.* P. 80–81; *Godfrey of Viterbo*. 'Pantheon'. P. 175.

⁶⁴ *Godfrey of Viterbo*. 'Pantheon'. P. 175–177.

⁶⁵ *Ibid.* P. 156–157.

⁶⁶ *Ibid.* P. 201–202.

⁶⁷ *Godfrey of Viterbo*. 'Speculum regum', p. 90–91; *Godfrey of Viterbo*, 'Pantheon'. P. 205.

⁶⁸ *Godfrey of Viterbo*. 'Pantheon'. P. 206–207.

⁶⁹ *Ibid.* P. 225.

The views of history presented here were not necessarily believed in by anyone outside the court. Moreover, some 'German' authors, that is, northern Germans/Saxons, do not mention these theoretical constructs⁷⁰.

The most likely conclusion as to why this is so is that there was no single unified German identity. While Miiller-Mertens proved that the elites of the various peoples we consider German today did have a sense of German identity as early as the 1110s⁷¹, it seems that every author related himself firstly to his locality and region, and only then to the larger *regnum Teutonicum*, *regnum Francorum* and *impérium Romanum*. As the Hohenstaufen court followed an agenda of conquest in Italy and the restoration of imperial rights in general, it was only logical that the courtly histories would take up more elements of Frankish and Roman histories and identities. In Italian eyes it was much easier when it came to defining the empire: it had always been and would always be only Roman⁷². The opponents of the Hohenstaufen who appear as characters in the works of the Hohenstaufen supporters retain this distinction. For example, the Milanese are allowed to insult Barbarossa as merely a German in the *Carmen de gestis*⁷³.

To sum up, the imperial court espoused a German, Roman and Frankish identity. Roman because the *impérium* itself was Roman, Frankish because Charlemagne took the *impérium* away from the Greeks, and German because Otto the Great won the *impérium* from the Langobards, thereby excluding the French from Charlemagne's legacy, the empire. While a German national identity was definitely in the background of this ideology, the imperial element is so much more present that it is more appropriate to conclude by saying that a Roman imperial identity existed at the court of the kings of Germany.

* * *

УДК 94(430).024

ВЕ ДРАН СУДОВ СКИ. Магистрант, Центральный Европейский университет, Будапешт, Венгрия.

VEDRÁN SULOVSKY. MA student, Central European University, Budapest, Hungary. E-mail: vedransulovsky(o)hotmail.com

ГЕРМАНСКОЕ, РИМСКОЕ И ФРАНКСКОЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ ЭПОХИ РАННИХ ГОГЕНШТАУФЕНОВ (1138–1190) И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ

В средневековой Европе происходили те же процессы, что и в современной: когда наблюдалось столкновение национальных идентичностей, многие из которых актуализировались вслед за великим потрясением, последовавшим за падением Советского Союза. Особенно интересным представляется пример Священной Римской Империи, многонационального государства, колебавшегося между франкской, римской и немецкой идентичностями. В то время как некоторые правители, например, Карл Великий или Оттон Великий, отдавали предпочтение франкской идентичности, другие – такие, как Людовик Благочестивый или Оттон III, полагали, что только римское самосознание должно иметь значимость.

Однако, начиная с 1000 г. это оспаривалось итальянскими писателями, что итоге привело к отказу от Римского и имперского характера политики при конфликте за инвеституру в

⁷⁰ O. Engels. 'Friedrich Barbarossa im Urteil seiner Zeitgenossen', in O. Engels (ed.), *Stauferstudien*. Stuttgart, 1996. P. 225–245, at p. 243.

⁷¹ E. Miiller-Mertens. *Regnum Teutonicum*. Berlin, 1970. S. 316–317, 329–341, 350, 376–377.

⁷² Otto Mořena. *Xibellus*. P. 60–62; *Anonymus*. *Carmen*. P. 3, 8 et passim; *Anonymus*. 'Civis Mediolanensis anonymi Narratio de Longobardie obpressione et subiectione', in F.-J. Schmale (ed. and trans.), *Italische Quellen iiber die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief iiber den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I.* Darmstadt, 1986. S. 240–295, at s. 242.

⁷³ *Anonymus*. *Carmen*. P. 63–64, 67–70, 91.

1070 гг. С тех пор термин *Teutonicus* вышел на авангард европейской дипломатии для умаления будущих императоров Римской империи. Постепенно и немецкие авторы начали прибегать к нему, хотя первоначально его использовали папистские литераторы. Ко времени Конрада III (1138–1152) немецкая идентичность уже повсеместно воспринималась германскими авторами, однако римская и франкская не были полностью забыты.

В течение последующих 50 лет различные национальные нарративы были косвенно усвоены разными людьми. Если Конрад III и Фридрих I (1152–1190) высказывали более франкские политические взгляды, то римская коммуна и папство имели различные римским идентичности. Восприятие правителей среди других итальянских авторов существенно разнилось: сторонники империи называли императора Римским, остальные – немецким варваром. Он не мог быть франком, ибо к этому времени это однозначно означало среди итальянцев – француз. У немецких авторов, тем не менее, сомнений не возникало: они были и немцами, и франкскими, и даже иногда римскими, в зависимости от ситуации.

Ключевые слова: Германский; Франкский; Римский; Конрад III (1138–1190); Фридрих I (1152–1190); Рим; папство; идентичность; со-идентичность; соперничающая идентичность.

GERMAN, ROMAN AND FRANKISH: THE NATIONAL NARRATIVES OF THE EARLY HOHENSTAUFEN ERA (1138–1190) AND THEIR INFLUENCE ON HIGH POLITICS

Just as modern Europe has contested national identities, some of which have been challenged in the great upheaval following the fall of the Soviet Union, so did Medieval Europe have many similar phenomena. A particularly interesting case is the Holy Roman Empire, as it was multi-national state which wavered between the Frankish, Roman and German identities. While some rulers, for example Charlemagne and Otto the Great, thought the Frankish identity to be the most important one, other, such as Louis the Pious or Otto III, believed that the Roman identity should be only relevant one.

This, however, had been contested by Italian writers since 1000, eventually leading to a renunciation of the Empire's Roman and Imperial character by Gregory VII in the 1070s. Since then the term *Teutonicus* rose to the forefront of European diplomacy as a disparagement of the would-be Roman emperors. German authors slowly started using the term themselves, even though it was primarily used by pro-Papal writers at first. By the time of Conrad III (1138–1152), however, the German identity was commonly accepted by German writers, although the Frankish and Roman identities had still not been completely forgotten.

During the following half century, differing national narratives were implicitly accepted by various persons. While Conrad III and Frederick I (1152–1190) exhibited a more Frankish-based political worldview, the Roman Commune and the Papacy embraced two very different Roman identities. Among other Italian authors the rulers were perceived in markedly different fashions: imperialists called the emperor a Roman, while others called him a German barbarian. A Frank he could not be, as by this point this meant only the French – in Italian eyes. For German authors, however, no doubt existed: they were both German and Frankish, and sometimes even Roman, depending on the situation.

Keywords: German; Frankish; Roman; Conrad III (1138–1190); Frederick I (1152–1190); Rome, the Papacy; identity; coidentity; contested identity.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Anonymus. *Carmen de gestis Frederici I. imperatoris in Lombardia*, ed. Irene Schmale-Ott. MGH SRG 62. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1965. 125 s.

2. Anonymus. „Civis Mediolanensis anonymi Narratio de Longobardie obpressione et subiectione“, *Italische Quellen Uber die Taten Kaiser Friedrichs L, Italien und der Brief Uber den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I*, hrsg. Franz-Josef Schmale. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. S. 240–295.

3. Dendorfer Jurgen. „Konrad III. und Byzanz“, in *Die Staufer und Byzanz*. hrsg. Karl.-Heinz. Ruefi, Góppingen: Gesellschaft fur Staufische Geschichte, 2013. S. 58–73.
4. Engels Odilo. „Friedrich Barbarossa im Urteil seiner Zeitgenossen“, in *Stauferstudien: Beitrage zur Geschichte der Staufer im 12. Jahrhundert*, hrsg. Odilo Engels. Sigmaringen: Thorbecke, 1996. S. 225–245.
5. Godfrey of Viterbo. „Pantheon“, in *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII, 2*, hrsg. Georg Heinrich Pertz und Georg Waitz, Hannover: Hahn, 1872. S. 107–307.
6. Godfrey of Viterbo. „Speculum regum“, in *MGH SS 22, Historici Germaniae saec. XII, 2*, hrsg. Georg Heinrich Pertz und Georg Waitz, Hannover: Hahn, 1872. S. 21–93.
7. Górich Knut. *Friedrich Barbarossa: Fine Biographie*. Munchen: C. H. Beck, 2011. 782 s.
8. Górich Knut. „Friedrich Barbarossa und Byzanz“, *Die Staufer und Byzanz*, hrsg. Karl.-Heinz. Ruefi, Góppingen: Gesellschaft fur Staufische Geschichte, 2013. S. 74–85.
9. Hausmann Friedrich. „Gottfried von Viterbo: Kapellan und Notár, Magister, Geschichtsschreiber und Dichter“, *Friedrich Barbarossa. Handlungsspielräume und Wirkungsweisen des staufischen Kaisers*, hrsg. Alfred Haverkamp. Sigmaringen: J. Thorbecke, 1992. S. 603-21.
10. Mierow Charles, ed. and trans. *The Deeds of Frederick Barbarossa*. New York: W. W. Norton & Company, 1966. 366 p.
11. Miiller-Mertens Eckhard. *Regnum Teutonicum*. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 416 s.
12. Otto Mořena. „Ottonis Morenae eiusdemque continuatorum Libellus de rebus a Frederico imperatore gestis“, *Italische Quellen Uber die Taten Kaiser Friedrichs I. in Italien und der Brief uber den Kreuzzug Kaiser Friedrichs I*, hrsg. Franz-Josef Schmale. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. S. 34-239.
13. Otto of Freising. *Chronica sive historia de duabus civitatibus*, hrsg. Adolf Hofmeister, MGH SRG, *Usum scholarum separatim editi 45*. Hannoverae et Lipsiae: impensis bibliopolii Hahniani, 1912. 577 s.
14. Otto of Freising. „Ottonis Gesta Friderici I. Imperatori“, *MGH SRG, Usum scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I. Imperatoris*, hrsg. Georg Waitz und Bernhard von Simson. Hannoverae et Lipsiae: impensis bibliopolii Hahniani 1912. 385 s. P. 1–161.
15. Rahewin of Freising. „Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris“, *MGH SRG in usum scholarum separatim editi 46, Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I. imperatoris*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.